

«ХОРОШЕЕ» И «ПЛОХОЕ» ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Генерал де Голль и его окружение не верили в движение сопротивления. Они его боялись.

Вишыйская печать постоянно пугала нас, французов, которые жили во Франции в период оккупации, «коммунистической опасностью». Мы же знали и то, что коммунисты играли ведущую роль в деле сопротивления, и то, что не все участники внутреннего сопротивления были коммунистами.

Растрелянный заложник, брошенный в тюрьму патриот, замученный пытками партизан — каждый из них был для нас одним из *наших* героев, так же как какой-нибудь эсэсовец или петэновский министр, или молодчик из дарнановской милиции был для нас одним из наших врагов.

Но для деголлевского клана существовало лондонское и алжирское движение сопротивления, это было «хорошее» сопротивление; затем та часть внутреннего движения сопротивления, которой управлял, не вполне ей, впрочем, доверяя, сам генерал де Голль, и, наконец, демократическое внутреннее движение сопротивления, которого он боялся и которому отказывался помогать.

Итак, во Франции, по мнению лондонского комитета, было два движения сопротивления «хорошее» и «плохое». «Хорошее» сопротивление — то, которое нашло свое выражение отнюдь не в ожесточенных боях с врагом, а, например, в проекте «конституции», составленной группой деголлевцев, в которую спокойнейшим образом была включена специальная статья — *numerus clausus*¹ —

¹ Numerus clausus — статья о количественной норме, ограничивающей прием в высшие учебные заведения и т. п. для лиц определенной национальности или вероисповедания (*Прим. ред.*)

против французских евреев, ничем, по существу, не отличавшаяся от фашистских расистских «теорий».

Но в глазах деголлевского клана даже подчиненная де Голлю реакционная часть движения сопротивления была лишь препятствием, мешающим им безраздельно пользоваться властью.

В самом деле, небольшой клан честолюбцев первого или, скажем, четырнадцатого ранга был движим отнюдь не мыслью о благе нации. Здесь играли роль их честолюбивые замыслы, их антипатии, их антиреспубликанские чувства.

И особенно — страх перед народом.

Страх перед народом всегда приводил реакционные правительства на грань пропасти...

По свидетельству деголлевца Гилена де Бенувилля, Френэ, руководивший группой «Комба»¹ во Франции и действовавший в тесном сотрудничестве с лондонским комитетом де Голля, два раза встречался с Пюше, который выдал немцам заложников, и с начальником вишийского управления государственной безопасности Ролленом.

После этих многочисленных переговоров группа «Комба» смогла продолжать свою деятельность, и полиция Виши не беспокоила Френэ. То, что Френэ поддерживал связь с такими негодьями, как Пюше и Роллен, не помешало ему пребывать в должности министра в правительстве де Голля вплоть до разоблачения его скандальной деятельности в руководимом им министерстве по делам военнопленных.

Пюше объяснил Френэ, что «перед лицом коммунистической, германской и англо-саксонской опасности» он немного заигрывал с немцами, немного с англо-саксами, но всегда действовал против французских комму-

---

¹ Анри Френэ — националист-шовинист и мракобес фашистского типа, министр по делам военнопленных в правительстве де Голля, впоследствии инициатор создания Ю. Д. С. Р. В период оккупации Франции был членом руководящего комитета группы «Комба», формально входившей в движение сопротивления, но на деле связанной с вишистами. Печатный орган этой группы стал ныне троцкистско-провокационной газетой. Сам Френэ был тесно связан с предателем Пюше, вишийским министром внутренних дел, расстреливавшим патриотов. (*Прим. ред.*)

нистов. Я не знаю в точности, что ответил этому убийце Френэ: я не присутствовал при их беседе. Но Френэ, который к тому времени был уже заочно осужден вишистами и находился под угрозой ареста, вдруг получил пропуск. Во время второй беседы был достигнут компромисс: условились, что «Комба» не будет больше критиковать Петэна, а только «политику сотрудничества» вообще; пропуск Френэ был продлен еще на один месяц.

Таковы были люди деголлевского клана. Люди холодного расчета, карьеристы, люди, которым ничего не стоило, перед тем как вернуться к своим товарищам по движению сопротивления, коммунистам и некоммунистам, побеседовать с каким-нибудь Пюше об «опасности», которую представляли некоторые его товарищи для Виши, а возможно, и для Лондона¹.

Существует вполне закономерная связь между этими беспринципными компромиссами, помилованиями (включая и помилование Петэна), широко практикуемыми де Голлем, его выступлением за проведение амнистии² и почти единодушным вступлением петэновцев в Р.П.Ф.

Для Пасси и его сообщников вишисты *не являлись политическими врагами*. Общеизвестно, что по приезде в Лондон в одном салоне Пасси произнес клеветническую речь против французских рабочих. Тот же Пасси заявил по лондонскому радио, что многие реформы, проведенные маршалом Петэном, были превосходны.

Сплошь и рядом антипатии политического характера у деголлевцев оказывались сильнее чувства солидарности в борьбе с немцами. Национальный враг — это немец. Политический противник — это республика, которую одинаково ненавидят и Пюше, и Френэ.

Деголлевцы хотят править освобожденной Францией, а для этого совершенно необходимо, чтобы исчезло Виши. Но они отнюдь не согласны участвовать в борьбе *всех* демократических сил Франции против *всех* нацистских сил Германии и Виши.

Допустим, что та или иная группа движения сопротивления не расположена подчиняться деголлев-

¹ Имеется в виду лондонский комитет де Голля. (Прим. ред.)

² Речь идет об амнистии предателям-вишистам. (Прим. ред.)

ским директивам и смешивать дело родины с делом одного человека. Деголлевцы будут всячески ее оттирать.

Один уполномоченный де Голля, ставший впоследствии префектом, поддерживал связь со всеми организациями движения сопротивления за исключением... Национального фронта и его фран-тиреров и партизан. Не было такого случая, когда бы он явился на условленное с представителями Национального фронта свидание; найти его, вырвать у него хоть одно слово, даже директиву— это был сизифов труд. Иногда деголлевцы делали попытки «аннексировать» инакомыслящую группу. Так, радиостанция «Радио-патри», которой руководил некто «Карт», перестала вдруг получать всякую денежную помощь; Френэ предложил Карту слить свою организацию с группой «Комба» и работать под его руководством; Карт отверг эту попытку шантажа. Он вбил себе в голову, что он должен поехать в Лондон, чтобы отстаивать интересы своей группы; он прибыл в Англию 20 февраля 1943 г. Бедняга! Ему даже не было дано средств на обратную дорогу; его же кодом из Лондона деголлевцы передали его людям приказ о присоединении к группе Френэ. Вот как отделялись от строптивых!

Между тем, проблема отношений с Виши оставалась нерешенной. Она разрешилась примирением с наиболее продеголлевскими учреждениями. Дорник, бывший управляющий имуществом евреев, становится управляющим Д.Ж.Е.Р. в Париже, бывший редактор газеты «Тан» — Миро, ставленник «Комитэ де Форж», после освобождения Франции руководит финансовым отделом Д.Ж.Е.Р.

Мы видим, что для деголлевцев реакционер, служивший Гитлеру, предпочтительней коммуниста, который служил Франции. Весьма характерно отношение к этому вопросу всех поборников «амнистии», всех «продавцов индульгенций», всей наиболее черной, откровенно петэновской, фашистской реакции и ее защитников—от газет «Эпок» до «Пароль-франсэз» (у этого еженедельника нет такого подписчика, который бы не был деголлевцем).

Начальник отдела пропаганды Р.П.Ф полковник Реми, на процессе изобретателя «ванны»¹, бесчеловечного палача и убийцы французов Мазюи, пытался оправдать поведение последнего Тот факт, что Мазюи находился на службе *нацистской* Германии, Германии концентрационных лагерей, на службе врага, этот факт не имеет для Реми значения. Он говорит с ним на каком-то рыцарском языке дуэлянтов XVIII в., когда соперники, встречаясь, приветствуют друг друга шпагой или шляпой. У них нет ненависти друг к другу У них есть ненависть к их общему врагу — народу. Самое отвратительное во всем этом, несомненно, то, что полковник Реми даже не сознает, насколько чудовищны его вежливость по отношению к врагу и ненависть, с которой он относится к тем из своих соотечественников, кто не разделяет его политических взглядов Он не дает показаний против Мазюи, но он действует против коммунистов. Он желает гибели коммунистам, а Мазюи он приветствует шляпой!

Что же касается вишистов, которые ныне все стали членами Р.П.Ф., то сейчас они заявляют, что если петэнизм *есть* предательство, то деголлизм *был* одним из проявлений патриотизма. В трагический момент истории Франции — говорят они — генерал де Голль был одним из людей, отказавшихся признать поражение

Однако мы знаем, что политические взгляды маршала *Петэна* и генерала де Голля совпадали-

«Мы одобряем некоторые преобразования маршала Петэна», — так говорил 16 марта 1941 г у микрофона Б. Р. К. в Лондоне полковник Пасси, тень генерала де Голля. А выступление генерала в Страсбурге² было лишь повторением выступления маршала в Сент-Этьенне.

Идеи генерала де Голля и его деятельность ничуть не противоречат вишийской диктатуре. Однако иногда из чисто тактических соображений генералу приходилось несколько изменять свое поведение. И возвысился он во

---

¹ Имеется в виду род пытки, заключающийся в погружения жертвы в ледяную ванну, эта пытка применялась немецким гестапо (*Прим. ред.*)

² В речи, произнесенной де Голлем 7 апреля 1947 г в Страсбурге и носившей явно проамериканский характер, де Голль заявил

время войны лишь благодаря поддержке французского народа.

Р.П.Ф. — «Объединение французского народа» — это де Голль, предоставленный самому себе; де Голль без народа. Вот почему вчерашние петэновцы уже отнюдь не смотрят косо на того, кто помиловал маршала. Они ненавидели в его лице лишь противника их германских покровителей.

Резкое изменение отношения петэновцев к генералу де Голлю не более удивительно, чем, например, то, что в свое время реакционеры стали вдруг голосовать за таких «экс-социалистов», как Мильеран, Вивиани, Бриан, Фроссар, Лаваль.

27 сентября 1940 г. газета «Депэш де Тулуз», администратором и главным акционером которой был радикал Жан Бейле, писала по поводу дакарской экспедиции: «Безумная авантюра, задуманная предателем и английским адмиралтейством, завершается разгромом». В 1947 г. Жан Бейле — депутат и находится в числе надежных сторонников генерала де Голля.

Деголлевский клан приходил в бешенство от сознания, что он не в силах был навязать внутреннему движению сопротивления свою волю, свои проекты законов, заставить его безоговорочно повиноваться, точно так же, как вишийский клан приходил в бешенство от того, что не был в состоянии примирить с собой французов.

Как известно, военный министр приговорил Пасси к пятнадцати суткам ареста, причем не за растрату государственных фондов, не за фальсификацию отчетности и спекуляцию золотом и валютой, а за то, что он опубликовал без разрешения министра свои мемуары! После чего Пасси спокойно продолжал печатать их, чтобы доказать, что во Франции существует, по крайней мере, две власти, власть правительства и власть деголлевского клана!

о своем намерении создать новую партию. В заявлении, сделанном им 14 апреля, он выдвинул три основные пункта программы Р. П.Ф. ревизия конституции, устранение влияния политических партий на правительство и установление диктатуры президента. (Прим. ред.)

В своих воспоминаниях полковник Пасси рассказывает такой характерный эпизод 14 июля 1943 г. председатель Французского комитета национального освобождения генерал де Голль председательствовал на официальной церемонии. Вспомните, что это было в то время, когда фран-тиреры и партизаны боролись против немцев, создавали подпольные организации, падали — увы! — под пулями врага. Это было в то время, когда сражались все французы, и «тот, кто верил в бога, и тот, кто в него не верил». Это было в то время, когда существовало движение сопротивления — и гестапо, пытки, лагеря смерти.

А теперь послушайте человека, который расхитил 77 млн. франков *для* того, чтобы создать денежный фонд *для* целей будущей гражданской войны, человека, который присвоил — для личных политических целей, а то и просто для своих надобностей — деньги, доверенные ему республикой

«Представители различных политических направлений и партий поочередно выступали каждый по несколько минут. В то время, когда представитель коммунистов излагал позицию своей партии, де Голль нагнулся к Мэрфи (американский представитель) и сказал ему: «Вот что будет у нас во Франции завтра, если вы нас окончательно задушите».

Так, в самый разгар войны, в день национального праздника, глава французского правительства, выступая против одной из партий, борющихся за свободу Франции, в своих личных интересах взывал к чувству неприязни, которое внушала американскому представителю доктрина этой партии!

Вот каким образом 14 июля 1943 г, когда лучшие из сынов Франции гибли в лагерях Германии, в тюрьмах Виши под залпами палачей, вот каким образом генерал де Голль понимал тогда единство движения сопротивления и Р.П.Ф.!

Можно ли после этого удивляться тому пылу, с которым боролись во Франции против единства движения сопротивления наиболее преданные агенты генерала?

Напрашивается одно сравнение.

Пюше, которому немцы представляют список заложников, отказывается утвердить его (это, во всяком случае, наиболее благоприятная для него версия; ее рассказывает начальник канцелярии Петэна, дю Мулэн де ла Бартет). Немцы представляют ему второй список, который содержит почти исключительно имена коммунистов. «В добрый час», — говорит Пюше. Он сделал свой выбор среди французских патриотов, брошенных в тюрьмы немцами. Выбор смерти .

Арди, как и Пасси, печатал в каком-то еженедельнике свои воспоминания, когда было разоблачено его позорное прошлое агента гестапо; этот Арди выдавал патриотов. Он поддерживал постоянную связь с Френэ и с другими руководителями Круппы «Комба». Он мог бы их выдать немцам тоже. Но не Френэ избирает он объектом своего доноса. Он выдает председателя Национального совета сопротивления Жана Мулена, единственного из всех представителей Ф.К.Н.О. (Французского комитета национального освобождения) во Франции, который был пламенным сторонником единства всего движения сопротивления; Жана Мулена, про которого уж никак не скажешь, что он ненавидел коммунистов более, чем гитлеровцев! Арди, как и Пюше, сделал свой выбор. Выбор смерти .

До каких только преступлений, до каких предательств не доходили приверженцы де Голля!

Вспомним гибель Медерика¹ после его возвращения из Алжира, где некоторые предостерегали его о возможности «выдачи».

Гибель Филиппа Рока.

Гибель Делетрэна, которому было поручено заставить партизан выполнять приказы де Голля. «Мы дисциплинированы, — ответили они, — мы выполним все данные нам поручения. Мы просим вас лишь о разрешении *сделать больше*». «Вы говорите, как патриоты, — ответил генерал Делетрэн, — я одобряю ваше поведение». Арди выдал и его.

---

¹ Медерик — один из руководителей движения сопротивления во Франции; член Консультативной ассамблеи. (Прим. ред.)

Пожалуй, те, кто боролся за восстановление республики, подвергались большей опасности со стороны Б.С.Р.А., чем даже со стороны врага.

«Ужасно!» — скажут одни. Конечно, ужасно. «Этого не может быть!» — скажут другие. Но эти другие несколько месяцев тому назад печатали мемуары, то-есть вранье гнусного Арди, «великого патриота», по мнению деголлецев, а в действительности — агента гестапо. Если бы явные доказательства предательства Арди не вынудили его к признанию, он и сегодня был бы лучшим украшением деголлежской печати, каким Пасси все еще остается, несмотря на опубликование доклада Рибьера.

А почему эти люди защищали Арди? Потому что он был их сообщником. «Мы — одной породы, ты и я», — говорят друг другу хищники в книге «Джунгли»¹.

После защиты Арди и молчания печати по поводу дела Пасси в этом уже не приходится сомневаться.

Давайте рассудим. Связь между Лондоном и Францией поддерживала «Кагуль». В этом нет ничего удивительного. Немудрено, что, имея в своей среде так много кагуляров, Б.С.Р.А. использовало их и во Франции. Дальше, разве могли лондонские кагуляры, используемые во Франции, не связаться с теми прежними своими сообщниками, которые в это время стояли у власти в Виши? Да это ведь была их обязанность, если только они были верными агентами «Свободной Франции»! Теперь нам остается задать себе вопрос: можно ли предположить, чтобы Мориса Дюкло (Сен-Жака), привлекавшегося к суду за участие в кагулярском заговоре, или тех, кто, не колеблясь, вступал в заговор с иностранными фашистами против республики, вдруг обуял такой патриотизм, чтобы они смогли воспротивиться искушению выдать кагулярам патриотов, деятельность которых мешала осуществлению их честолюбивых замыслов?

Как бы там ни было, остается бесспорным, что многие «свободные французы» подходили к вещам под углом зрения своих заговорщических интересов, а не под углом зрения интересов национальных.

---

¹ Р. Киплинг, «Джунгли».

Через год после перемирия¹ кардинал де Вилленев, находившийся в Монреале, в Канаде, сказал как-то о Петэне:

«Мы уважаем этого благородного и почтенного старца, который мудро и решительно правит судьбой родины наших отцов».

Где, вы думаете, прочел я эту цитату? В деголлевской газете «Франс», органе «Свободных французов» Ближнего Востока!

По характерному «совпадению» эта же газета печатала лишь разрозненные отрывки из рассказа о мужественной смерти героев подполья, разрозненные умышленно, чтобы невозможно было даже предположить, что эти французы были коммунистами!

В этом соперничестве между деголлевским кланом и движением внутреннего сопротивления заключалась слабость французского Комитета национального освобождения. «Свободная Франция» сыграла партию в покер, в которой она все время мошенничала,— сказал Пьер Тисье² в одном из своих докладов, прочитанных им во дворце Шайо.

Жеро Жув³, со своей стороны, в том же смысле, говорит о «блефе».

Достаточно перечитать книгу «На острие шпаги», чтобы понять, что эта «партия в покер», в которой ставкой была судьба Франции, вполне соответствует образу мыслей и действиям «честолюбца первого ранга».

Автор книги «На острие шпаги» вернулся в Париж с прежними замыслами (он так и не отрекся от своей книги, насквозь пропитанной презрением к демократии); он вернулся для того, чтобы пройтись по Елисейским полям под приветственные крики толпы.

---

¹ То-есть капитуляции Петэна перед гитлеровской Германией 22 июня 1940 г. (*Прим. ред.*)

² Пьер Тисье—бывший сотрудник канцелярии де Голля, позднее начальник канцелярии министра транспорта и общественных работ. (*Прим. ред.*)

³ Жеро Жув—социалист, директор Браззавильской радиостанции в 1944 г., в настоящее время депутат Национального собрания, представитель Франции на международной конференции по вопросам свободы печати и информации (*Прим. ред.*)

Идя по Парижу, председатель временного правительства повернулся к председателю Национального совета сопротивления, который шел рядом с ним.

— Будьте добры, отодвиньтесь немного назад, — сказал генерал

Наступил момент, когда после четырех лет «брака поневоле» можно было объявить о «разводе» между республикой и генералом по причине несходства их характеров.